

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА РУСАНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3451-6892; rusanowa_7@mail.ru

НАИМЕНОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА

А н н о т а ц и я . Акцентируется внимание на перспективности сопоставительного исследования данных, полученных в результате лингвистического изучения региональных документов XVIII века, с языковым материалом законодательных актов эпохи. Отмечается, что законодательные акты того времени выполняли не только распорядительную функцию, но и кодифицирующую, регламентирующую документообразование. В результате сопоставительного анализа языка центральных и региональных документов впервые выделяются четыре типа отношений между функционирующими в них наименованиями документных жанров. Базовым признается тип отношений, определяющий зависимость появления в региональной деловой письменности новой разновидности документов от ее законодательного утверждения. Второй тип выявленных отношений связан с пересечением терминов, утвержденных для обозначения функционально близких документных жанров. Третий обнаруженный тип отражает асимметричные отношения между функционирующими в законодательных и региональных текстах терминами, обозначающими один и тот же жанр. Четвертый тип формируют отношения между терминами, связанными с документными жанрами, приходящими на смену друг другу. Выявленные типы отношений между наименованиями документных жанров в законодательных актах и региональных документах позволяют уточнить особенности формирования и функционирования терминосистемы делового языка XVIII века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история русского языка, деловой язык XVIII века, документный жанр, законодательный акт, региональная деловая письменность, терминология

Д л я ц и т и р о в а н и я : Русанова С. В. Наименования документов в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 58–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.637

ВВЕДЕНИЕ

Плодотворное лингвистическое изучение местных архивных документов XVIII века в последние десятилетия позволило создать широкую картину функционирования делового языка в его региональных вариантах, классифицировать представленные в них системы документных жанров, выявить местные фонетико-орфографические, грамматические, лексико-семантические особенности. Актуальным становится сопоставительное исследование языкового материала, представленного в региональных документах и законодательных актах XVIII века, так как оно дает возможность посмотреть на отдельные вопросы эволюции и функционирования делового языка указанного периода под несколько другим углом зрения, уточнить степень освоения нормы и характер вариативности делового регионального письма.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

В условиях выстраивающегося канцелярского делопроизводства законодательные акты выпол-

няли не только распорядительную, но и кодифицирующую функцию, регламентирующую документообразование, что подчеркивают многие исследователи региональной деловой письменности данной эпохи [12]. Отмечается зависимость региональной традиции от стандартов, диктовавшихся центром¹. Как определенный кодификационный момент расценивается издание многочисленных нормативных документов (указов, циркуляров), устанавливающих не только новые образцы составления тех или иных деловых бумаг, но и использование книжных языковых средств в качестве стилиобразующих в деловом письме² [7: 11].

В центре настоящего исследования – вопрос о соотношении терминов, обозначающих документные жанры, в языке законодательных актов и региональных документов XVIII века, что заостряет внимание на некоторых аспектах формирования и совершенствования жанровой системы этого периода. Материалом послужили опубликованные источники из фондов центральных

и региональных архивов³, а также рукописные источники из фондов Национального архива Республики Бурятия и Российского государственного архива древних актов⁴.

Анализ языка центральных и региональных документов позволяет выделить четыре типа отношений между функционирующими в них наименованиями документных жанров. Первый тип можно назвать базовым. Исходным является нормативный законодательный акт, обуславливающий введение в региональное делопроизводство новой разновидности документов. Так, утверждение 19 марта 1719 года именного указа об обязательном «ответствовании на указы посылаемые в Губернии из Сената и Коллегий» (ПСЗ, т. 5, № 3333, с. 681)⁵ и закрепление требования отчетности по выполнению указов в ряде последующих законодательных актов, и прежде всего в указе от 12 марта 1730 года (ПСЗ, т. 8, № 5513, с. 254–255), определяют появление в региональной деловой письменности рапортов (репортов) как определенной разновидности отчетных документов. Генеральный регламент 1720 года утверждает ряд ключевых официально-деловых жанров (ПРП, с. 72–121), среди которых указ, инструкция, доклад, доношение, челобитная, реестр, диплом, патент и др. Именной указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 года закрепляет в качестве основных форм исковых заявлений челобитную и доношение, которые приобретают четко структурированную казусную часть (ПРП, с. 632). Принятый в 1723 году именной указ о промемории (ПСЗ, т. 7, № 4260, с. 88) открывает новую страницу в истории оформления горизонтальных, межведомственных деловых отношений. В региональных архивных фондах одни из ранних промеморий датируются 1724 годом [2: 70], [10].

Второй тип отношений связан с пересечением терминов, утвержденных для обозначения функционально близких документных жанров⁶, вследствие чего в региональной деловой письменности на раннем этапе использования становится возможным их вариантное употребление для наименования одного и того же документа. Например, утверждение Генеральным регламентом и другими законодательными актами первой половины XVIII века вслед за доношением рапорта как отчетного документа актуализирует проблему их функциональной дифференциации. Показательным в этом отношении представляется рапорт (репорт) в Иркутский архиерейский приказ из Селенгинского Троицкого монастыря от 15 октября 1736 года, название которого исправляется несколько раз, что, безусловно, свидетельствует о сомнениях составителя в определении жанровой принадлежности документа:

написав заголовок *репортъ*, составитель зачеркнул его, переименовал составленный (или составляющийся) документ в *доношение* и вернулся в конечном счете к названию *репортъ* (НАРБ, д. 13, л. 15). О синонимичности заимствованного слова *рапорт* (*репорт*) исконному *доношению* в первой половине XVIII века и отсутствии строгого разграничения документов в корреспонденции центральных и местных учреждений см. также в [4: 52–53].

Показательными оказываются точки пересечения в формулярах данных документов второй половины столетия. В частности, в заключительной части рапортов в формуле свидетельства составления документа подотчетным лицом, наряду с классическими перформативными глагольными формами *репортую* / *репортует* / *репортуем*⁷, могут встречаться сочетания форм глаголов *доносить* и *репортовать*, а также изолированное употребление глагола *доносить*:

«*дonesя и репортую* Буза Балхонов» (ПЗДП, № 61, л. 2, 1792 г.);

«симъ на главное рассмотрение и резолюцию в покорности *доносить* <...> Староста Федоръ Дюрягинъ» (ПЗДП, № 63, л. 266, 1796 г.);

«симъ всепокорнейше и *доносится*» (ПЗДП, № 65, л. 1, 1797 г.);

«о чемъ чилибинскому духовному правлению в благорасмотрение и *доносим* <...> с[вя]щенникъ василий земляничинъ пономарь стефанъ маминъ» (ЧС, № 94, л. 12 об., 1789 г.).

В то же время для речевых штампов, заключающих доношения, подобные пересечения терминов *доносить* и *репортовать* не типичны: авторы доношений только *доносят*:

«О семъ *доносить* Холокского посел[ь]я посел[ь] шикъ монах Иона да белець Спиридонъ Мохсеевыхъ» (НАРБ, д. 13, л. 2, 1737 г.);

«О семъ *доносит* находящеися во обители вашего высокопреподобия казначей игумен Дороефъ 1772 года декабря 31 дня» [8: 43];

«О семъ *доносят* вашего высокопреосвященства нижайшии послушники и бгомолцы Тро[и]цкаго Антониева Сииского м[о]н[ас]т[ы]ря архимандрит Гавриил з братиею» [8: 46];

«симъ подчтенейше *доношу* а подлиные ево вышеписанаго крестьянина доношение подписка при семъ въ воскресенское духовное правление во арегинале представляю месеца дня 1779 года сщеникъ димитрей протасовъ» (ЧС, № 27, л. 171 об.)⁸.

Подобное пересечение обнаруживается также в употреблении терминов *промемория* и *сообщение* в региональной письменности середины 60-х годов в связи с введением в документооборот жанра сообщения в утвержденном 21 апреля 1764 года Екатериной II «Наставлении губернаторам» (ПСЗ, т. 16, № 12.137, с. 716–720). Примером может служить известие настоятеля

Троицкого Селенгинского монастыря Феофана Стукова поручику Селенгинской воеводской канцелярии Резанову от 7 ноября 1764 года, в котором форма сношения между представителями не подчиненных друг другу ведомств именуется по-разному:

«*Известие* | Понеже минувшаго октября 20го дня присланнымъ в здешней Тр[ои]цкой | Селенгинской м[о]н[а]ст[ы]рь *сообщением* требовали, в силе Ея ИВа указов <...> от здешняго Тр[ои]цкаго м[о]н[а]ст[ы]ря потребно | весьма занужно ведать <...>».

Далее излагаются требования о сборе необходимой информации, касающейся жизнедеятельности монастыря, которые подытоживаются пунктом:

«...по присланной из Селенгинской воеводской канцелярии | в здешней м[о]н[а]ст[ы]рь сего году августа от 11го числа *промеморий* которую | требовано чтоб по приложенной *при той промемории* с оригинального | из упомянутой коллегии экономии марта от 26го сего ж году под № 3772^а || Ея ИВ указу копии во всем повеленномъ уяснит[ь] такъ какъ | оной указ повелевает: / что имянно и какое ползе ЕЯ ИВ | интереса (так в ркп) приращения исполнения уяснено и в том зачем до сего | никакого уведомления не прислано и кемъ то было упущено | и того де ради от предписаннаго Тр[ои]цкаго Селенгинскаго м[о]н[а]ст[ы]ря *чрез оное сообщение* | требуйте чтоб на объявленные восемь пунктов весьма нужнонадобные | объяснении наивернииши по присяжной должности без наималеишей праронки | и утайки / ежели ранье неможно то / конечно чрез три дни справясь | уяснить обстоятельно перечневую съ яснымъ всему показаниемъ | ведомость и по сочинении к розсмотрению и по веленному распоряжению | прислат при писменном виде <...> и в силу того *сообщения* | показанная ведомость как о здешнем м[о]н[а]ст[ы]ре такъ и о вотчинах | Темлюиской и Кударинской по присяжной должности | без наималеишей проронки и утайки, {кроме Хилоцкой вотчины} | сочинена на все вышеписанные восемь пунктовъ которая | к рассмотрению и по веленному распоряжению здешняго м[о]н[а]ст[ы]ря | со служителемъ и посылается <...>» (ПЗДП, № 43, л. 108–109).

Третий тип образуют отношения между функционирующими в законодательных и региональных текстах терминами, которые можно назвать асимметричными. Суть таких отношений заключается в том, что в законодательных актах и региональных документах для наименования одного и того же документного жанра используются разные термины. Яркой иллюстрацией подобного соотношения является асимметрия в использовании просительной терминологии. Начиная с Петровской эпохи до конца восьмидесятых годов столетия в законодательных актах в качестве официального обозначения всех видов просительных документов – собственно искового заявления, явочного заявления, апелляционной жалобы, неискowego прошения – используется унаследованный из приказного языка термин

челобитная, который может уточняться определениями (*исковая челобитная, явочная челобитная*) [11]. В подтверждение сказанного приведем несколько примеров из законодательных актов:

«...которые истцы всякихъ чиновъ люди, впредь съ сего Его Великаго Государя указу, учнуть приносить *исковыя челобитныя* на ответчиковъ во всякихъ своихъ обидахъ о допросе» (ПСЗ, т. 4, № 1806, с. 73);

«...*исковыя челобитныя*, по которымъ, какъ по Уложению 10 главы 100, 101 и 102 пунктамъ, и по указу о Форме Суда 1723 года, у истцов с ответчиками суда производятся» (ПСЗ, т. 16, № 12.210, с. 842);

«...*челобитныя мировыя* на площади, или где инде писать, на бумаге, которая подъ гербомъ величиною противъ золотого» (ПСЗ, т. 3, № 1703, с. 650);

«...однако же до рассмотрения и решения оными вступить отъ техъ тяжущихся *мировое челобитье*, что они по тому делу между собою помирились» (ПСЗ, т. 21, № 15.553, с. 712);

«Съ *явочныхъ челобитень*, которыя подаютъ о всякихъ делехъ для записки, пошлннъ имать по 4 деньги с челобитной» (ПСЗ, т. 4, № 1743, с. 2);

«...но изъ сего исключаются *явочныя челобитныя*, подаваемая въ убивствахъ, въ разбояхъ и въ грабежахъ» (ПСЗ, т. 16, № 11988, с. 460);

«Ежели въ Ратуше какое дело будетъ решено не право, то на Бурмистровъ *челобитныя* принимать, и неправо вершенныя дела для рассмотрения брать и вершить по Уложению и указамъ» (ПСЗ, т. 8, № 5333, с. 98);

«На решенныя жъ съ сего времени дела *апелляционныя челобитныя* подавать, считая отъ дня объявляния решительнаго определения, всемъ находящимся внутри Государства полагается сроку одинъ годъ» (ПСЗ, т. 16, № 11.629, с. 30).

В региональной же деловой письменности с середины столетия в наименовании просительных документов отражается тенденция к постепенной специализации термина *челобитная* и замене родового наименования видовыми лексическими одночленными эквивалентами: *челобитная* используется только для обозначения искового заявления, необходимого для инициирования судебного расследования⁹; вместо *явочной челобитной* фигурирует *объявление*; неискowego прошение оформляется как *доношение* или *прошение* [11: 23].

Сопоставительное исследование региональной деловой письменности и законодательных нормативных актов позволяет выделить еще один тип соотношения терминов, функционирующих в законодательных и региональных документах, – четвертый, который может быть определен как ядерно-периферийный. Законодательное утверждение нового документного жанра, который приходит на смену утратившему актуальность старому жанру, приводит к их сосуществованию в рамках некоторого временного отрезка, причем вытесненный из активного документооборота жанр перемещается на периферию

и какое-то время продолжает обслуживать местную официально-деловую переписку параллельно с новым документным жанром. Так произошло с *памятью*, на смену которой, как отмечают исследователи, пришла *промемория* [6: 5] или *инструкция* [7: 29]. В документах Национального архива Республики Бурятия, в частности в фонде Троицкого Селенгинского монастыря, памяти встречаются до середины XVIII века и используются во внутриепархиальной переписке [9]. По характеру отношений между коммуникантами обнаруженные памяти могут быть поделены на две группы. Большая часть документов представляет собой распоряжения (инструкции) монастырского начальства «посельщикам» монастырских вотчин или служителям монастырей, о чем свидетельствуют формулы начального протокола памяти:

«...из Тр[ои]цкого Селенгинского | м[о]н[а]ст[ы]ря память того м[о]н[а]ст[ы]ря в Кударинскую вотчину | поселным монаху Дионисию с товарищем» (НАРБ, д. 13, л. 49, 1736 г.);

«...из Троицкого Селенгинского м[о]н[а]ст[ы]ря в Хилоцкую вотчину | поселщику Никити К'васоварову память» (НАРБ, д. 31, л. 3, 1747 г.);

«...память из Троицкого Селенгинского м[о]н[а]ст[ы]ря посланному | того м[о]н[а]ст[ы]ря м[о]н[а]ст[ы]рскому служителю Михайлу | Кропивину» (НАРБ, д. 31, л. 23, 1747 г.).

Схожее распоряжение 1725 года из земской конторы Иркутской провинции, адресованное иркутскому служилому человеку Ивану Бочарову, оформляется в форме инструкции (НАРБ, д. 3, л. 206–207 об.).

В архивном фонде встречаются также документы, представляющие собой форму переписки между равными по административно-служебному статусу коммуникантами. Такой характер имеет, например, память архимандрита Вознесенского Иркутского монастыря архимандриту Селенгинского Троицкого монастыря от октября 1725 года об обязательной присылке в Вознесенский монастырь на пропитание школь-

ным ученикам денег вместо наличного хлеба. Аналогичный по функциональной направленности и статусу коммуникантов документ от октября 1726 года о высылке иеромонаха Корнилия из Посольского монастыря оформляется уже как промемория. Ср. начало двух документов:

«По указу Ея величества г[о]с[уд]ар[и]ни императрицы и самодержицы всерос[сийско] память Вознесенского Иркутского м[о]н[а]ст[ы]ря из д[у]х[ов]ного при[казу] Селенгинского Тр[ои]цкого м[о]н[а]ст[ы]ря всечестному отцу Мисаилу архимандриту» (НАРБ, д. 3, л. 178) –

«Промемория; | Вознесенского Иркутского м[о]н[а]ст[ы]ря из д[у]х[ов]ного при[казу] в Тр[ои]цко' Селенгинской м[о]н[а]ст[ы]рь всечестному о[т]цу Мисаилу архимандриту» (НАРБ, д. 3, л. 260).

Похожая картина складывается в конце столетия с промеморией, которая исключается из документооборота, будучи вытесненной рядом новых жанров, таких как сообщение, предложение, уведомление в утвержденных в 1775 году Екатериной II «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» (ПСЗ, т. 20, № 14.392). Однако в региональной деловой письменности промемории продолжают функционировать вплоть до начала восьмидесятых годов¹⁰, что свидетельствует о передвижении промемории на периферию делопроизводственных отношений перед тем, как окончательно выйти из документооборота. Кроме того, в отдельных региональных жанровых подсистемах промемория обнаруживает элементы структурно-содержательной и функционально-стилистической трансформации, утрачивается обязательная для промеморий этикетно маркированная формула резолюции *благоволит учинить* (*благоволит ведать и учинить*), что приводит к ее сокращению, по сути, до сопроводительной записки. Именно такой характер имеют промемории Истоминской комендантской канцелярии конца 70-х годов. Ср. приведенные ниже для примера промемории данного периода из челябинского и омского архивов.

«Промемория

от челябинского дх: правления въ исетскую/ провинциальную канцелярию./ минувшего февраля, 16, числа въ присланном/ въ челябинское дх: правление звериноголовской/ крепости священник Феодоръ гилефъ репорте/ написаль, что, 26, де Ч: генваря сего года паро/хия ево деревни алабужской из записных/ в двойной оброкъ крестьянинъ иванъ остров/ских объявил свое желание обратится от ра/скола въ правоверие, которой (крестьянин островских)* имъ священником/ по надлежащему къ православной церкви/ присоединенъ и просиль темъ репортом/ о выключке онаго островских из двой/наго оклада куда надлежитъ сообщить/ того ради въ челябинскомъ дх: пра/влении определено въ исетскую провинциал/ную канцелярию симъ сообща требовать/ дабы соблаговолено было показаннаго/ бывшаго в расколе крестьянина остров/ских изъ (книгъ двойнаго оклада)* выключить, и по/ выключении челябинское дх: правление/ уведомить 1778 года марта, 1, дня» (ЧС, № 8, л. 53).

* Написано между строк.

«Промемория

подана ноября 15 числа 1778 года

В Тюменскую комендантскую канцелярию, в Тюменское воеводство канцелярии в сходстве присланной и зоной воеводской канцелярии, промемория для препровождения до Тобольска ссыльных колодниковъ семи человекъ команду.

Ротари Тюменской Гарнизонной коменданты, редовые Степанъ Падеринъ, казаки Семень Будолинъ, Иванъ Бадрызовъ, Андрей Спонисло, которые причемъ в Тюменскую воеводскую канцелярию посылавши до ноября 15 дня 1778 года.

Комендантъ Кириль Расмиряевъ.
Цит. по: [3].

Проведенное исследование помогает уточнить нормативные аспекты функционирования деловых терминов в региональном письме, дифференцировать законодательно регламентированные языковые элементы в местных текстах и региональные интерпретации подобных форм. Например, становится ясным, что встречающееся в забайкальском просительном документе 1785 года в формуле просьбы сочетание *явочное челобитье*¹¹, выведенное составителями издания в качестве названия документа, не совсем точно, так как в деловой письменности второй половины XVIII века не имела названия только одна разновидность документа – исковая челобитная, в формуле просьбы которой начиная с Петровских реформ нормативным был и термин *челобитье*. Кроме того, формуляр исковой челобитной на протяжении всего столетия был самым отточенным и соблюдение его жестко регламентировалось, ибо адресовалась челобитная императору. Именно это мы видим в анализируемом документе:

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая бьет челом якутской мещанин Григорей Лаврентьев сын Седалищев на иркутского мещанина Васил[ъ]я Алексеева сына Зимина а о чем мое челобит[ъ]е тому следуют пункты» (ПЗДП, № 77, л. 33).

Явочная же челобитная (явочное челобитье) именовалась с середины XVIII века в региональной делопроизводственной практике достаточно последовательно *объявлением* и имела совершенно иной формуляр. Следовательно, лексема *явочное* в данном случае не выполняет дифференцирующей, жанроопределяющей функции, что подтверждает и следующая за выражением просьбы формула рукоприкладства: «...сие писано за неимением гербовой на простой *челобитну* писалъ якутской мещанин Алексеи Седалищевъ». Введение определения *явочная* объясняется непрофессионализмом составителя документа: челобитную писал не канцелярский служащий, а сам податель – якутский мещанин.

Обращает на себя внимание также сочетание *явочное прошение* в тюменском просительном документе 1787 года [13: 161], воспринимающееся, на первый взгляд, как проявление региональной вариативности, обусловленной свободным смешением элементов приказного наследия и канцелярского делопроизводства. Однако асимметрия в употреблении терминов для обозначения просительных документов в законодательных и региональных текстах позволяет увидеть в данном случае отражение не свободного смешения раз-

нородных элементов в речи местных составителей, а стремления региональных делопроизводителей следовать законодательным установкам. *Явочные челобитные*, как известно, были актуальными в законодательном языке вплоть до указа Екатерины II от 19 февраля 1786 года о замене «челобитен» прошениями (ПСЗ, т. 22, № 16.329), в результате чего *исковые челобитные* закономерно заменяются на *исковые прошения*, *явочные челобитные* – на *явочные прошения*, *апелляционные челобитные* – на *апелляционные прошения*. Новые наименования просительных документов мы находим, например, в указе 1794 года о пошлинах с просительных дел:

«Установленные до сего времени пошлины с просительных дел, за печати восковыя, печатныя пошлины, с *прошений исковых, явочных и апелляционных*, кроме *мировых*, с патентов и жалованных грамот собирать вдвое противу настоящего» (ПСЗ, т. 23, № 17226, с. 533).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительный анализ языка центральных и региональных документов обнаруживает ряд типов отношений между терминами, обслуживающими жанровую систему делового языка XVIII века, что позволяет уточнить особенности формирования последней, понять некоторые причины, обуславливающие терминологическую вариативность в наименовании документных жанров исследуемого периода.

Появление в региональной деловой письменности новой разновидности документов, безусловно, предварялось ее законодательным утверждением. Многочисленные нормативные акты не только утверждали новые документные жанры, но и устанавливали новые образцы составления деловых бумаг, использования в деловом письме книжных языковых средств в качестве стилиобразующих. Однако кроме данного, базового, типа отношений между терминами, функционирующими в законодательных и региональных текстах, актуальным оказывается и пересечение терминов, утвержденных для обозначения функционально близких документных жанров. В региональной деловой письменности это обнаруживается, с одной стороны, в вариантном употреблении таких терминов для наименования одного и того же документа на раннем этапе их использования, с другой стороны, в функциональной конкуренции соответствующих документных жанров, приводящей к трансформации или вытеснению одного из них. Интересной представляется и асимметрия в отношениях между терминами, обнаруженная в деловых текстах и заключающаяся в том, что в законодательных актах и региональных документах для наименования одного

и того же жанра могли использоваться разные термины. Еще один тип отношений, который мы условно назвали ядерно-периферийным, отражает отношения между терминами, обозначающими документные жанры, которые приходили на смену друг другу. Показательным оказывается пере-

мещение жанра, потерявшего свою актуальность, перед его окончательной архаизацией на периферию делопроизводственной практики, когда он продолжает какое-то время обслуживать местную официально-деловую переписку параллельно с новым документным жанром.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 354.
- ² Особое место среди подобных законодательных актов занимали сенатские указы о титулах монархов и формах обращения к ним в документах разной функциональной направленности. См.: Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. Т. 7, № 4755, 5071; Т. 8, № 5501; Т. 9, № 8475; Т. 16, № 11.590. СПб.: В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
- ³ В статье используются следующие сокращения:
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. СПб.: В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
ПРП – Памятники русского права / Под ред. проф. К. А. Софроненко. Вып. 8. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. 668 с.
ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова; Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. 260 с.
ЧС – Челябинская старина: Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи / Сост. Е. Н. Сухина (Воронкова). Челябинск: Полиграф-мастер, 2005. 174 с.
Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья XVII–VIII веков (см. [1]).
Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья (см. [5]).
Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.) (см. [8]).
Тюменская деловая письменность 1762–1796 гг. (см. [13]).
- ⁴ НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия. Фонд 262 «Троицкий Селингинский монастырь». Оп. 1; РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1092 «Селенгинская воеводская канцелярия. Пограничные канцелярии в г. Иркутске и Селенгинске». Оп. 1.
- ⁵ В тексте в ссылке на данный и другие опубликованные и неопубликованные архивные источники в круглых скобках указаны: источник, том (т.), номер указа или документа (№), страница (с.) или лист (л.), при необходимости – год (г.). Графика деловых текстов XVIII века приводится в соответствии с современной. При цитировании региональных источников выносные буквы пишутся в строке без выделения, титла раскрываются, восстанавливаемые при этом буквы даются в квадратных скобках. Курсив в текстах из законодательных актов и региональных документов наш.
- ⁶ Семантическая близость терминов может быть обусловлена рядом причин: изначальным их синкретизмом и дальнейшей специализацией значения, функциональной дивергенцией документного жанра и введением новых терминов, ориентацией в определенных случаях на европейскую терминологическую традицию.
- ⁷ Ср.: о семь *репортуеть* Селенгинского Тр[ои]цкого м[о]н[ас]т[ы]ря архимандритъ Мисаиль (НАРБ, д. 8: л. 40, 1732 г.); О семь *репортують* Тр[ои]цкого Селенгинского м[о]н[ас]т[ы]ря наместникъ иеромонахъ Лаврентий да строител иеромонахъ Тихон (НАРБ, д. 13: л. 51, 1736 г.); того ради в нерчинскую воеводскую канцелярию сим и *репортуем* октября 22 дня 1753 году [1: 51]; о чемъ челябинскому духовному правлению, симъ и *репортуемъ* Генъваря 2 дня 1784 года., с[в]я[щ]енникъ адрианъ пеуновъ с[в]я[щ]енникъ иаковъ протасовъ диаконъ григорий пеунов (ЧС, № 63, л. 1); о семь челябинскому д[у]ховному правлению симъ и *репортуемъ* 1785 году июня 30 дня с[в]я[щ]енникъ димитрий протасовъ (ЧС, № 70, л. 77 об.); въ чемъ ишимскому духовному Правлению и *репортуемъ* октября 29 1783 года [5 (73): л. 62].
- ⁸ К единичным случаям подобного пересечения терминов можно отнести формулу свидетельства составления доношения в Селенгинскую воеводскую канцелярию из Троицкой крепости, а также в доношении приказчика мельницы Ивана Ружейникова архимандриту Троицкого Селенг[и]нского монастыря формулу рукоприкладства, написанную другим, нежели основной текст, почерком: того ради в Селенгинскую воеводскую канцелярию и *репортуем* 1735 году генваря 4го дня Калитинъ (РГАДА, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1); к сему *репорту* вместо отставного салдата Ивана Ружейникова служитель Иван Поповъ руку приложилъ (ПЗДП, № 70, л. 158 об., 1764 г.).
- ⁹ Актуальность сохраняет и термин *мировая челобитная* как наименование заявления о примирении истца и ответчика до судебного разбирательства.
- ¹⁰ Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: На материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.: Дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2002. С. 437. См. также: ПЗДП, № 34, 1781 г.; ЧС, № 20, 21, 1780 г.
- ¹¹ Ср.: И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указом повелено было сие мое *явочное челобит[ь]* въ Якутском городономъ магистрате принять и по прописаннымъ злоумышлениямъ вышеозначенного мещанина Зимина похвал[ь]бе и ругателстве чтоб не учинил онъ Зиминъ какого смертного убивства в чемъ впредь доподлинного моего челобит[ь]я записать <...> (ПЗДП, № 77, л. 33).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биктимирова Ю. В. Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья XVII–VIII веков: Учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2015. 155 с.
2. Бородина Е. В. Тобольский надворный суд в 1721–1727 гг.: к вопросу о функционировании канцелярии // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. 2009. С. 70–75 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RNMK/012_Borodina.pdf (дата обращения 24.05.2020).
3. Ваганова К. Р. Жанрово-стилистические особенности промеморий в омском розыском делопроизводстве XVIII века // Материалы XIX Междунар. молодежной науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1894.htm (дата обращения 24.05.2020).
4. Горбань О. А. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>
5. Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья. Вып. 2 / Сост. Р. П. Сысуева, И. А. Шушарина. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003. 342 с.
6. Лингвистическое краеведение на Южном Урале: Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л. А. Глинкиной. Ч. II. Челябинск, 2001. 242 с.
7. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 263 с.
8. Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М.; Смоленск: СГПУ, 2001. 130 с.
9. Русанова С. В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 70–74.
10. Русанова С. В. Промемория в региональном делопроизводстве XVIII в.: функциональная направленность и жанровая специфика // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 2. С. 153–164.
11. Русанова С. В. Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языковедение. 2019. Т. 18. № 2. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>
12. Садова Т. С., Руднев Д. В. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
13. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность 1762–1796 гг. Тюмень, 2001. 251 с.

Поступила в редакцию 28.08.2020; принята к публикации 12.04.2021

Original article

Svetlana V. Rusanova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-3451-6892; rusanova_7@mail.ru

NAMES OF DOCUMENTS IN LEGISLATIVE ACTS AND REGIONAL FORMAL WRITING OF THE XVIII CENTURY

Abstract. The article focuses on promising comparative research of the language of the eighteenth-century legislative acts and the results of the linguistic study of regional documents dating to that period. It is noted that the eighteenth-century legislation performed not only the administrative function, but also the codifying one. It means that legal acts regulated the process of document formation. The author performed the comparative linguistic analysis of central and regional documents and discovered for the first time four types of relations between the document genre names used in these texts. The first (basic) type is the one that determines how the appearance of a new document type in regional formal writing depends on the legislative approval of this document. The second type is related to the overlap of terms which describe functionally similar document genres. The third one reflects the asymmetric relations between the terms used in legislative and regional texts to describe the same document genre. The fourth type is formed by the relations between the names of document genres which replace each other. The identified types of relations between the document genre names in the legislative acts and regional instruments clarify the peculiarities of forming and functioning of term system in the eighteenth-century official language.

Key words: Russian language history, formal language of the XVIII century, document genre, legislative act, regional formal writing, terminology

For citation: Rusanova, S. V. Names of documents in legislative acts and regional formal writing of the XVIII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):58–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.637

REFERENCES

1. Biktimirova, Yu. V. Formal documents of the eastern Transbaikal region in the XVII–VIII centuries. Chita, 2015. 155 p. (In Russ.)
2. Borodina, E. V. Tobolsk Court of First Instance in the 1721–1727 period: the functioning of the court's registry. *Historical research in Siberia: problems and perspectives*. 2009. P. 70–75. Available at: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RNMK/012_Borodina.pdf / (accessed 24.05.2020) (In Russ.)
3. Vaganova, K. R. Genre and stylistic features of promemorias in the Omsk criminal investigation department of the XVIII century. *Proceedings of the XIX Lomonosov International Research Conference for Undergraduate and Postgraduate Students and Young Researchers*. Moscow, 2012. Available at: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1894.htm (accessed 24.05.2020) (In Russ.)
4. Gorban, O. A. The donosheniya and reports of Don Cossacks in the mid 18th c.: source analysis. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2019;4(24):45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4> (In Russ.)
5. Kurgan's old times: material on the history of formal written language in the southern Transural region. Issue 2. (R. P. Sysueva, I. A. Shusharina, Eds.). Kurgan, 2003. 342 p. (In Russ.)
6. Linguistic local history of the Southern Urals: Materials on the history of formal written language of the XVIII Century. (L. A. Glinkina, Ed.). Part II. Chelyabinsk, 2001. 242 p. (In Russ.)
7. Mayorov, A. P. Essays on the vocabulary of regional formal documents of the XVIII century. Moscow, 2006. 263 p. (In Russ.)
8. Nikitin, O. V. Eighteenth-century manuscripts of the Siyskiy Monastery (1768–1789). Moscow, Smolensk, 2001. 130 p. (In Russ.)
9. Rusanova, S. V. Transformation of mandatory memory under conditions of reform of the regional record keeping in the first half of the XVIII century. *The Buryat State University Bulletin*. 2012;10:70–74. (In Russ.)
10. Rusanova, S. V. The promemoria in the XVIII century regional business documentation: its functional orientation and genre specifics. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2015;2:153–164. (In Russ.)
11. Rusanova, S. V. Headings of the pleading documents in Russian legislative acts and regional business writing of the 18th century. *Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2019;18(2):16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2> (In Russ.)
12. Sadova, T. S., Rudnev, D. V. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350 (In Russ.)
13. Trofimova, O. V. Tyumen formal writing of the 1762–1796 period. Tyumen, 2001. 251 p. (In Russ.)

Received: 28 August, 2020; accepted: 12 April, 2021